

*Посвящается Роуз, Рэйчел, Кэрри и Саре.
Я бы не справилась без вас*

ПРОЛОГ

Все знали о Страже. О том, что он был вымыслом. Его не существовало в реальности. А человек с двумя мечами и в шляпе — всего лишь персонаж истории о призраках, сотканной из тайн и загадок, легенд и мифов; всего лишь сказка, которую рассказывают, чтобы дети слушались, а злодеи боялись.

Никто не знал правды.

ДРУГАЯ ОБЫЧНОСТЬ

Эйприл никогда не была обычной девочкой. Но и особенной она не была. Совсе нет. Правда. Нет ничего особенного в том, чтобы не иметь ни родителей, ни фамилии, ни дня рождения — даже такого, который приходился бы на разочаровывающие даты вроде Рождества или Дня независимости США. Как видите, Эйприл не была особенной, нет. Но и обычной она тоже не была.

Всё-таки невозможно считать себя обычной, когда у тебя нет денег, но ты живёшь в роскошном особняке. Когда у тебя нет своей семьи, но ты часть семьи Винтерборнов. И что важнее всего — абсолютно, совершенно, решительно невозможно оставаться обычной, когда ты делишь комнату с Сэйти Мэри Симмонс — потрясающе талантливой изобретательницей.

— Ты готова? — спросила Сэйти тоном, от которого Эйприл пришла в ужас. Потому что у под-

руги в глазах был её фирменный «огонёк Сэйди», а сама она буквально дрожала от радости и предвкушения.

Руки Эйприл тоже начали подрагивать. Но по ровню противоположным причинам. Голос Эйприл тоже немного дрогнул, когда девочка предложила:

— Может, нам стоит подождать... кого-нибудь.

Но ждать было некого, и об этом Эйприл не осмелилась упомянуть.

— Габриэль будет в восторге! — воскликнула Сэйди. — Вот увидишь. Это здорово нам поможет, пока не вернётся Смиттерс. Или мисс Нельсон, — добавила она немного неуверенно, и Эйприл могла её понять.

Всё-таки Смиттерса не было уже четыре недели. Сначала он поехал на собрание Всемирной ассоциации дворецких, где выиграл ежегодную — и горячо обсуждаемую — битву дворецких (что было здорово). Но главным призом оказался кругосветный круиз (что было скверно). Когда Смиттерс позвонил домой, чтобы сообщить эту новость, то поклялся, что постарается вернуться как можно скорее.

А Габриэль... Габриэль просто выругался.

Эйприл подозревала, что злился он не столько на продолжительное отсутствие Смиттерса, сколько на то, что прошло уже три месяца с момента, как Изабелла Нельсон упала в море. Конечно,

Иззи прислала записку, где сообщила, что жива и здорова. Но домой она не вернулась. И на данный момент Изабелла Нельсон отсутствовала уже двенадцать недель. Восемьдесят четыре дня. Не то чтобы Эйприл считала. (На самом деле, всё-таки считала.)

Каждый день обитатели дома Винтерборнов просыпались с надеждой, что она вернётся и станет ругать детей, чтобы те перестали бегать по лестницам, и Габриэля, чтобы он побрился и заправил рубашку. Но чем дальше, тем больше начинало казаться, что Изабелла Нельсон ушла навсегда.

Это было почти так же жутко, как взгляд Сэйди, когда девочка сказала:

— Прекрасно! Очки готовы?

Эйприл не ответила. Она просто схватила пластиковые защитные очки, которые Смиттерс закупил оптом и которые были неотъемлемой частью «Набора Дружбы Сэйди Мэри Симмонс».

В ту же секунду, как Эйприл водрузила очки на нос, Сэйди воскликнула:

— А сейчас...

И потянула за шнур. Секунду спустя большая роскошная плита Смиттерса ожила. Под тяжёлой чугунной сковородой заплясали язычки пламени, а миксер начал взбивать тесто в огромной миске. Всё это выглядело довольно безобидно, но тут миска заскользила по столешнице.

И стала.

Медленно.

Наклоняться.

«Нет!» — хотела закричать Эйприл, но миска начала аккуратнo наливать тесто на раскалённую сковороду округлыми маленькими лужицами будущих оладий.

— Подожди немного... — сказала Сэйди пару секунд спустя, и Эйприл снова начала тревожиться. — Сейчас! — воскликнула девочка, и раскалённая сковорода взмыла вверх. Оладьи подскочили и перевернулись, аккуратно упав обратно на свои места.

— Сработало, — сказала Эйприл наполовину потрясённо, наполовину с облегчением.

— Конечно, сработало, — Сэйди даже не разозлилась и не стала её упрекать. Реакция Эйприл была всего лишь частью огромного множества различных данных — и все они говорили, что новый «Сэйдимат» был готов увидеть свет.

Едва пульс Эйприл начал возвращаться в норму, Сэйди схватила нож и воскликнула:

— А теперь пора испытать бекон!

Но прежде, чем Эйприл успела запаниковать, кто-то сказал:

— Сэйди, я сам! — и в кухню влетел Тим. Он выхватил острый нож из руки Сэйди, прежде чем та успела прикрепить его к «Сэйдимату» номер

двадцать, потому что неписаное правило дома Винтерборнов гласило: «Никогда и ни за что нельзя соединять “Сэйдиматы” и ножи».

Секунду спустя Тим уже открыл упаковку с ломтиками бекона, на плите зашипела вторая сковорода, и кухню наполнил лучший в мире запах: запах завтрака. «Честное слово, — подумала Эйприл, — я просто обязана сделать духи с ароматом завтрака. Тогда я точно стану богаче Габриэля».

Вспомнив о Габриэле, девочка бросила взгляд на часы. Десять утра.

В последнее время утро стало наступать позже, а ночь — тянуться всё дольше, и Эйприл стало интересно, отчего дом Винтерборнов больше и больше погружался во мрак: из-за времени года или чего-то ещё.

— Габриэль уже проснулся? — спросила Эйприл, но Тим странно на неё посмотрел.

— Я думал, он уже здесь.

— Я его не видела, — ответила девочка, и оба уставились на Сэйди. Та просияла.

— Я его позову!

Сэйди подбежала к маленькой настенной панели с целым миллионом кнопок. Та была медной и старой, и, без сомнения, не использовалась уже десятки лет, но недавно Сэйди серьёзно увлеклась идеей оживить старый интерком. Когда девочка

нажала кнопку, не было видно никаких признаков подключения, но Сэйди всё же сказала:

— Габриэль! Кухня вызывает комнату Габриэля. Габриэль, ты там?

— Он не ответит, если в плохом настроении, Сэй, — сказал ей Тим.

Но мальчик добился лишь того, что Сэйди сильнее надавила на кнопку и закричала чуть громче:

— Габриэль! Габриэль! Габриэль! Габ... — девочка внезапно замолчала и посмотрела на Тима и Эйприл. — А что, если он меня не игнорирует? Что, если он ушёл?

Тим посмотрел на Эйприл, затем снова на Сэйди.

— Что значит «ушёл»?

— Что, если его нет в комнате, потому что он... понимаете... снаружи. — Сэйди резко повернула голову к окну. — Что, если он... стражничает? Что, если он стал Стражем? — попыталась объяснить она, но все варианты звучали как-то странно, поэтому девочка в конце концов просто выпалила: — Что, если он делает «это»?

— Я так не думаю, Сэй, — сказал Тим.

— Почему нет? — возразила Сэйди. — То есть... да. Конечно. Я тоже считала Стража городской легендой, но теперь-то мы знаем, что он настоящий! Сами подумайте. Страж всё время был реален! И он

всегда был Винтерборном. А Габриэль — единственный оставшийся Винтерборн, — сказала Сэйди так, словно два плюс два естественным образом равнялось мстителю в маске. — К тому же Габриэль всегда был похож на супергероя со своими клинками и всем остальным. Почему он не мог выскользнуть ночью на улицы, чтобы вершить правосудие?

Для Сэйди этот вопрос казался совершенно логичным, и Эйприл серьёзно задумалась над ответом. «Потому что ему плевать на наследие Винтерборнов? Потому что он ещё не до конца восстановил силы после того, как несколько раз чуть не умер из-за меня? Потому что его тело не может быть в порядке, когда сердце разбито?»

Но вместо этого Эйприл сказала:

— Потому что он бы нас предупредил, верно?

Она посмотрела на Тима, который словно прочёл её мысли, потому что мальчик пожал плечами и пробормотал:

— Точно.

И Сэйди ему поверила. Просто потому что была Сэйди.

— Ага. В этом есть смысл, — она сосредоточенно кивнула. — К тому же я почти закончила прототип его костюма. Габриэль не стал бы уходить без него. Кстати говоря, его обязательно делать чёрным? Я знаю, что Страж всегда так одевался, но,